

историков и любителей старины. В частности, княжеские и царские печати составили предмет работы Б. Кёне, изданной в Берлине²⁴. Начиная свое изложение с древнерусских памятников сфрагистики — булл, автор доводит его до печатей, ему современных. Кёне сделал ряд вполне справедливых замечаний, касающихся изображений на княжеских печатях, попытался изменить существующую датировку некоторых из них, привел ряд неизвестных данных о русских эмблемах, почерпнутых в иностранных источниках.

В целом можно констатировать, что к концу XIX в. отечественные печати лишь получили право стать объектом исследования. Вряд ли правомерно говорить о складывании к тому времени сфрагистики как системы знаний.

В литературе высказывалось мнение, что направление развития и теоретические положения, на которых базировались с самого начала своего формирования отечественные вспомогательные исторические дисциплины, «определяются общими концепциями исторического процесса дворянского и буржуазного периодов историографии»²⁵. Вместе с тем эти дисциплины эволюционируют в связи с определенными, каждой из них присущими закономерностями. Последнее обстоятельство заставляет обратить внимание на процессы, происходящие в каждой из вспомогательных исторических дисциплин независимо от территориальной принадлежности. Другими словами, правильным будет рассматривать развитие той или иной вспомогательной дисциплины на фоне общих закономерностей исторического развития. А это дает возможность соотносить, в частности, развитие сфрагистики в различных странах.

В западноевропейской историографии трансформация печатей в особый вид исторического источника происходит в первой трети XIX в. после выхода в свет труда Х. А. Эрхарда²⁶, который вывел печати из «зависимого» положения, показав возможности печатей как предмета самостоятельного исследования²⁷, выделив их, отчуждая от документа, в компетенцию сфрагистики. Предложенная им система изучения печатей нашла последователей в разных странах, и уже через несколько лет появился труд, посвященный актовым печатям²⁸.

перечисляя ошибки и неудачи при издании грамот в СГТД, отмечал плохое изображение печатей. Переиздавая новгородские грамоты, он заново описывал и их печати, обращая особое внимание на надписи (*Шахматов А. А. О языке новгородских грамот // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885.*)

²⁴ *Koehne B. de. Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. B., 1861.*

²⁵ *Каменцева Е. И. История вспомогательных исторических дисциплин. М., 1979. С. 16.*

²⁶ *Erhard H. A. Kritische Übersicht der Diplomatik in ihren bisherigen Bearbeitungen und Entwurf eines Systems der Geschichtsquellenkunde // Zeitschrift für Archivkunde, Diplomatik und Geschichte. Bd. II. Hamburg, 1836.*

²⁷ Об этом см.: *Ilgen Th. Sphragistik // Grundriss der Geschichtswissenschaft. Bd. 1. 2 Lief. Leipzig, 1906. S. 322.*

²⁸ *Melly E. Beiträge zur Siegelkunde des Mittelalters. Bd. 1. Wien, 1846.*

ции конца XVIII в. докатилась до России. Эти атрибуты отживающего строя, в первую очередь гербы, монархические символы и эмблемы, но также и древнерусские печати, которые в силу их специфической феодальной символики вполне могли быть причислены к подобным знакам, не интересовали (в том ракурсе, в котором они были представлены) общественную мысль настолько, чтобы по-настоящему привлечь к себе внимание. Другие, более насущные идеи волновали русского читателя. Поэтому, вероятно, и появилось некоторое «невосприятие» указанной выше проблематики.

XX в. изменил взгляд научной общественности России на печати. В начале века теоретически осмысливается и вполне четко выделяется предмет изучения, формулируются цели и задачи сфрагистики — научной дисциплины, намечается методика, определяются основные направления исследования. Этот позитивный процесс связан с успехами археологии, в первую очередь с массовыми находками свинцовых печатей, особенно на новгородском городище. Одним из первых, кто сумел по достоинству оценить новые сфрагистические памятники с точки зрения их исторической значимости, был Н. П. Лихачев, крупный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, впоследствии известный советский ученый. Накопленный к началу XX в. сфрагистический материал в виде древнерусских металлических печатей, найденных в земле, его систематизация, а также анализ появившихся в западноевропейской литературе сфрагистических трудов, в основе которых лежали большие комплексы сфрагистических памятников, привели Лихачева к осмыслению теоретических основ сфрагистики. Он определил место и значение печатей в историческом исследовании.

Рассматривая печати как материал для историко-дипломатического знания, Лихачев писал: «Печати являются не только памятниками дипломатическими (скрепа документа), но и чисто историческими (выразители политических тенденций, общественных веяний и взглядов — в изображениях, форме, величине, материале) и памятниками истории искусства, так же как и ценными документами в области истории быта (изображения зданий, одежд, разных предметов утвари и оружия)»³². Таким образом, Лихачев, не отрицая значения печати для внешней критики документа, выдвигал на первое место понятие печати как самостоятельного источника. Он же сформулировал основной принцип исследования сфрагистических памятников. Выступая с критикой существующих в западноевропейской литературе различных систем и классификаций сфрагистического материала, он писал, что в основе изучения печатей не могут лежать чисто внешние признаки — форма, рисунок, материал, способ прикрепления печатей. «Мы должны изучать материал (сфрагистический. — Н. С.) по государствам и их учреждениям или в хронологическом порядке, подмечая при этом явления преемства, влияния и взаимодействия. Факты сфрагистические должны быть поставлены в тесную зависимость от фактов

32 Лихачев Н. П. Из лекций по сфрагистике. С. 14.

известных ему документов Первого и Второго ополчений, анализ статей, в которых говорилось о печатях, позволили ему составить схему политических представлений Первого ополчения, его прав и полномочий, взаимодействий со Вторым ополчением, притязательных воззрений Земского правительства в целом. Так, утверждая, что Нижегородское ополчение приняло с самого начала ту же самую печать, что и Первое, Лихачев как бы подчеркивал, что Второе ополчение тем самым принимало, так сказать, и «ляпуновскую идеологию».

Обнаружение новых документов с печатями изменило схему, выстроенную Лихачевым. Изучивший приказные материалы Нижегородского ополчения П. А. Садиков⁴² обратил внимание на несоответствие вывода Лихачева подлинному оформлению приказных документов Нижегородского ополчения. Все акты были скреплены личной перстневой печатью кн. Пожарского. С нее резалась печать привесная, используемая для международной корреспонденции. Таким образом, официальной печатью Второго ополчения была, по-видимому, личная печать кн. Пожарского. Только с момента воссоединения двух ополчений единственная государственная регалия Земского правительства начала функционировать в соответствии со своим прямым назначением в качестве государственной печати. Этот сам по себе замечательный сфрагистический сюжет, где печати очень искусно демонстрируются в качестве источников, свидетельствующих о политических устремлениях их создателей (по-видимому, Лихачев и преследовал прежде всего эту цель), служит доказательством, что сфрагистическое построение, на основе которого делаются исторические выводы, не может базироваться на отдельных авторских находках, в его основе должен лежать «исчерпывающий сбор материала».

Лихачев неоднократно обращался к вопросу о происхождении государственной печати. Намеченный им аспект исследования государственных печатей включает последние в круг незаменимых источников при разработке вопросов «политической символики». При помощи ее выражаются основные идеи государственной политики, отражаются моменты суверенитета и подданства, внутригосударственные устремления, внешнеполитические замыслы и пр.

Таким образом, Н. П. Лихачев — основоположник научного сфрагистического знания. Благодаря его трудам сфрагистика из узкого раздела дипломатики превратилась в самостоятельную дисциплину, обретя свое содержание. И речь идет не только об изучении древнерусских металлических печатей. Указанные здесь работы Лихачева, посвященные феодальным восковым печатям, кстати малоизвестные, свидетельствуют, что и этот сфрагистический материал обладал в глазах ученого качеством ценнейшего источника. Сложный период русской истории, личная судьба замечательного ученого, а главное — переключение научного интереса, вплотную заставившего его обратиться к металлическим печатям, количество находок которых все возрастало, создавая обширный комплекс в отличие от единичных, порой случайно обнаруженных в архивах, не образующих целостных групп сфрагистиче-

42 Садиков П. А. «Земская» печать и Нижегородское ополчение // ЛЗАК. Вып. 35. Л., 1929.

ка, а также неудачного хранения) оттисков печатей. Комплекс дошедших до нас источников — носителей знаков удостоверения, чем являются печати, чрезвычайно неравномерен как в хронологическом, так и в видовом плане, что объясняется характером и условиями их подбора и хранения⁶⁷. Во-вторых, научная неразработанность (отсутствие монографических исследований) таких основополагающих тем дипломатики, как история удельных княжеских канцелярий и канцелярии московских великих князей⁶⁸, история русского акта, прежде всего частного⁶⁹. В-третьих, отсутствие в трудах отечественных историков права (особенно в большом количестве дореволюционных работ) четких правовых характеристик ряда институтов, существовавших в Русском государстве, таких, напри-

67 АСЭИ. Т. I. С. 4.

68 Отдельные вопросы делопроизводственной практики удельных князей и великих князей московских рассматривались как в трудах дореволюционных ученых, изучавших дипломатический материал (*Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920), так и в обобщающих трудах советских историков: С. Н. Валка, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимины, С. М. Каштанова, а также в работах исследователей, посвященных отдельным разновидностям актов (см., напр.: *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты XV—XVI вв. // АЕ за 1961 г. М., 1962; *Семенченко Г. В.* О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // Там же за 1983 г. М., 1985). Вплотную подошел к исследованию канцелярии московских великих князей лишь В. А. Водов (*Водов В. А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. — 1425 г.) // Исторические записки. Вып. 103. М., 1979).

69 Изучение отечественного акта получило широкое развитие в работах советских ученых (об этом см.: *Копанев А. И.* Советская дипломатика // ВИД. Вып. I. С. 56—73). Однако в актовом источниковедении имеется проблема, разрешить которую историкам не удалось до сих пор, несмотря на специальную разработку вопроса в последние десятилетия (*Алексеев Ю. Г.* Частный земельный акт средневековой Руси: От Русской Правды до Псковской судной грамоты // ВИД. Вып. VI. Л., 1974; *Свердлов М. Б.* Древнерусский акт X—XIV вв. // Там же. Вып. VIII. Л., 1976; *Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986; *Семенченко Г. В.* Духовные грамоты XIV—XV вв. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983). Это проблема происхождения и развития частного акта, в которой центральное место занимает пункт о хронологии его возникновения на Руси. В последнее время исследователи, изучающие эволюцию феодальной земельной собственности, все более склоняются к мысли о становлении частного акта начиная с середины XIV в. (*Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 246; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 32—34).

Вопрос о времени возникновения частного акта имеет непосредственное отношение к сфрагистическому исследованию, ибо удостоверительная часть, являясь неотъемлемой частью акта, развивается вместе с ним. С печати, по мнению С. Н. Валка, акт начал историю удостоверительной своей части. Именно достигнутый в процессе развития акта состав (уровень) удостоверительной части, доказывающей действительность совершившегося правоотношения, свидетельствовал об окончательном формировании акта как гаранта сделки (*Валк С. М.* Рецензия на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов» // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 250—251; *Он же.* Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 122—123, 129).

